

LITERATURE OF THE EAST

Urdu Literature

ЛИТЕРАТУРА ВОСТОКА

Литература урду

Переводы

Филологические науки

УДК 82-1(091)=03.214.22=161.1

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-5-1437-1449

«Мир Таки Мир»: отрывок из истории поэзии урду

«Вода жизни» М. Х. Азада

Людмила Александровна Васильева

(Перевод с урду, предисловие, комментарии)

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

ludvas@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2466-3832>

Аннотация. Критический труд Мухаммада Хусейна Азада (1830–1910) «Вода жизни» считается первой историей поэзии урду на этом языке. Азад раньше других увидел в ней непрерывный процесс, в котором произведения отдельных периодов находились в неразрывной связи друг с другом. Азад выделяет пять основных периодов поэзии урду, кратко характеризуя каждый из них. Изложив биографию той или иной знаменитости, Азад уделяет особое внимание характеристике личности выдающихся поэтов, создает их яркие портреты, приводит исторические анекдоты, связанные с ними, а также на конкретных примерах из поэзии пытается показать взаимосвязь творчества упоминаемого поэта с его предшественниками и последователями. Труд М. Х. Азада оказал огромное влияние на умы его современников, а также и на дальнейшее направление хода литературно-критической мысли на языке урду: он установил стандарты литературной критики на многие десятилетия. Ряд исторических дат и литературных фактов, как и важных обобщений автора, сегодня представляются недостоверными либо спорными. Однако, несмотря на это, до сих пор многие литераторы урду и критики полностью полагаются на характеристики знаменитых стихотворцев, данные Азадом. Это касается и крупнейшего поэта урду XVIII в. Мира Таки Мира (1713/1723(?)–1810). Предлагается перевод одного из разделов труда Азада «Вода жизни», посвященного Миру Таки Миру.

Ключевые слова: Азад, Мухаммад Хусейн (1830–1910); Мир, Мир Таки (1713/1723(?)–1810); «Вода жизни»; язык урду; поэзия урду; биография; портрет; газели; *тазкире*

Для цитирования: Васильева Л. А. Мир Таки Мир: отрывок из истории поэзии урду «Вода жизни» М. Х. Азада // Ориенталистика. 2020. Т. 3, № 5. С. 1437–1449. DOI: 10.31696/2587-9502-2020-3-5-1437-1449

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Translate

Philology studies

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-5-1437-1449

“Mir Taqi Mir”. A fragment from the History of Urdu Poetry “Water of Life” of Muhammad Husayn Azad

Ludmila A. Vasilyeva*(Translation from Urdu into Russian, comments and introduction)**Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
ludvas@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2466-3832>*

Abstract. The article is a translation into Russian of the chapter from the “Water of Life” by Muhammad Husain Azad (1830–1910). This is the chapter about the greatest Urdu poet Mir Taki Mir (1713/1723(?)–1810 AD). The critical work by Azad, the “Water of Life” is considered as the first history of Urdu poetry written in Urdu. Azad was the first to see in this phenomenon a continuous process. The periods in the development of literature are interlinked. Azad identifies five major periods of Urdu poetry and briefly describes each of them. His work comprises biographical facts, characteristics, vivid word-portraits of outstanding Urdu poets and colourful historical anecdotes associated with them. The “Water of Life” had a very significant impact on contemporaries of Azad, as well as on the further development of literary-critical thought in Urdu. It set the standard for literary criticism for many decades. “Water of Life” had a significant impact on contemporaries, as well as on the further development of literary-critical thought in Urdu. It set the standard for literary criticism for many decades to come. Regardless that some historical dates and literary facts, as well as some important generalizations of the author, seem today at least controversial, still many Urdu literati and critics even nowadays fully rely upon the evaluation and criticism of famous poets as given by Azad.

Keywords: Azad, Muhammad Husain (1830–1910); Mir, Taqi Mir (1713/1723(?)–1810), “Water of Life”; language, Urdu; poetry, Urdu; biography; word-portraits; ghazals; *tazkire*

For citation: Vasilyeva L. A. “Mir Taqi Mir”. A fragment from the History of Urdu Poetry “Water of Life” of Muhammad H. Azad. *Orientalistica*. 2020;3(5):1437–1449. (In Russ.) DOI: 10.31696/2587-9502-2020-3-5-1437-1449

Предисловие

Критический труд Мухаммада Хусейна Азада (1830–1910) «Вода жизни» (*Аб-е хайат*, 1880) считается первой историей поэзии урду на этом языке. По сути своей этот труд представляет собой произведение переходного типа от средневековой антологии – *тазкире* к современной истории литературы. По мнению целого ряда индийских и пакистанских критиков, «Вода жизни» является наиболее часто переиздаваемой и наиболее читаемой прозаической книгой XIX в. на языке урду. Последнее утверждение не может не вызвать сомнения, поскольку язык произведения, прежде всего его стилистика, а также немалая часть лексики весьма

архаичны, и освоение текста требует от читателя молодого поколения определенной филологической подготовки.

До М. Х. Азада истории литературы урду как таковой не существовало. Азад был первым урдуязычным автором, кто, обратившись к истории поэзии на этом языке, увидел в ней не набор биографий поэтов с примерами их стихов – по этому принципу создавались средневековые *тазкире*, – а непрерывный процесс, в котором произведения отдельных периодов находились в неразрывной связи друг с другом. Азад выделяет пять основных периодов поэзии урду, кратко охарактеризовав каждый из них. Изложив биографию той или иной знаменитости, Азад уделяет особое внимание характеристике личности выдающихся поэтов соответствующего периода, приводит исторические анекдоты, связанные с ними, а также на конкретных примерах из их газелей пытается показать взаимосвязь творчества упоминаемого поэта с его предшественниками и последователями.

Однако при этом необходимо подчеркнуть, что многие исторические даты и литературные факты, как и многие важные обобщения автора, являются недостоверными либо спорными. К сожалению, до сих пор публикация критического текста этого уникального литературного памятника с необходимыми комментариями, включающими объяснения и корректирование неточностей, неясностей и явных авторских огрехов, остается пока одной из труднейших задач, стоящих перед исследователями литературы урду.

Трудно переоценить влияние, которое оказал труд М. Х. Азада на умы его современников, взглянувших на свою поэзию глазами автора «Воды жизни», а также и на дальнейшее направление хода литературно-критической мысли на языке урду: именно труд М. Х. Азада установил стандарты литературной критики на многие десятилетия. Кроме того, он оказался наиболее богатым и авторитетным источником множества литературных фактов, анекдотов и высказываний о поэтике урду.

Многие литераторы урду до сих пор считают труд М. Х. Азада «первым и последним словом» относительно личности знаменитых стихотворцев, полностью полагаясь на данные им характеристики. Это касается и крупнейшего поэта урду XVIII в. Мира Таки Мира (1713/23(?)–1810), которому посвящен один из разделов книги «Вода жизни». Мир Таки Мир вплоть до сегодняшнего дня предстает в воображении его соотечественников и описывается в литературе именно таким, каким его представил М. Х. Азад.

Мир Таки Мир

Мир Таки, носивший *тахаллус*¹ «Мир», родился в семье одного из благородных горожан Агры Мира Абдуллы. Сираджуддин Али-хан Арзу, более известный как Хан-е Арзу, был весьма популярным автором, писавшим на персидском языке, и одним из самых авторитетных ученых-лите-

раторов Индии. В *тазкире* «Гульзар-е Ибрахим» сказано: «Мир-сахиб² находился в дальнем родстве с Ханом Арзу, который одно время принимал участие в воспитании и образовании Мира Таки». Широко распространено мнение, что Мир-сахиб был родным племянником Хана Арзу. В действительности же он был сыном Мирзы Абдуллы от первого брака, который после смерти матери Мира Таки женился вторично на сестре Хана Арзу. Таким образом, кровного родства между ними не было: Мир-сахиб приходился Арзу племянником со стороны своей мачехи.

Мир-сахиб питал большую склонность к поэзии с раннего возраста. После смерти отца Мир-сахиб отправился в Дели. В доме Хана Арзу сам Мир-сахиб и его поэзия обрели наставника. Однако Хан-сахиб был ревностным суннитом ханафитского толка, а Мир-сахиб был шиитом, к тому же обладал крайне вспыльчивым и раздражительным характером. Кончилось тем, что из-за какой-то мелочи он повздорил с Ханом Арзу и покинул его дом.

Так уж принято в этом придиричивом мире, что если кто-то из добропорядочных оступился, то ему это не простят, и на его доброе имя ляжет клеймо порицания. Во всяком случае, в одной из *тазкире* («Тазкира-е шориш») говорится, что титулом «сейид» Мир Таки был награжден поэтическим сообществом, что не имело отношения к его принадлежности к прямым потомкам Пророка. А еще от старых людей я сам слышал, что, когда он выбрал для себя *тахаллус* «Мир», отцу его это не понравилось: «Не делай этого! Смотри, однажды ненароком станешь *сейидом*»³. В то время сам Мир-сахиб не обратил на эти слова никакого внимания, а на деле постепенно все к тому и шло. Как-то раз я услышал от престарелых людей строки Сауды⁴, которых, однако, нет в его *куллияте*⁵. Думаю, в них Сауда намекает именно на упомянутый факт:

Когда Мир раскалил печь своего поэтического темперамента,
То появились в его воображении сдобный хлеб, лепешки, и сыр.
А в конце говорит:

Ну а теперь все специи *Мири*⁶ готовы:
Сынок будет луком-пореем, а сам Мир – кориандром.

Но все же считаю необходимым сказать, что его бедность и его несчастья, его терпение и способность довольствоваться малым, его страх перед Богом и его благочестие – все эти качества, слившись воедино, отражали его *сейидовскую* сущность и говорили о том, что сомневаться в ней не следует. Ну а что касается людской молвы, так что только и о ком только не говорят! И если бы Мир-сахиб не был *сейидом*, то незачем ему было говорить:

Бродит несчастный Мир, и никому до него нет дела.
В своей страсти он потерял даже гордость *сейида*!

Хотя его *тахаллус* был «Мир» (в терминологии карточной игры *ганджафа* – козырной король), но в *ганджафа* поэтической игры он блистал, как [козырной туз] «Солнце». В оценке его поэзии знатоки прибегали к сравнению с драгоценными камнями и жемчугом, а его имя распространяли повсюду, превращая его в цветочный аромат. В Индии он оказался тем счастливым, чьи газели путешественники привозили в разные города в качестве подарка.

Очевидно, что издавна особо одаренные натуры преследуются бедами и невезением. Что касается Мира-сахиба, то он, на беду свою, отличался к тому же крайним высокомерием, и самая почетная должность, чьи-то достоинства и заслуги и даже почтенный возраст не вызывали в нем уважения. Этот недостаток был и причиной его крайней раздражительности, постоянно лишая его простых земных радостей и душевного покоя. Будучи ошибочно убежденным в безупречности своих манер и полностью удовлетворенным собственной бедностью, Мир Таки очень гордился тем и другим. Пишущий эти строки нижайше просит прощения у чистой души Мира-сахиба за эти дерзкие слова, невольно слетевшие с губ, но – Бог свидетель! – все, что написано – все ради того, чтобы люди, которым придется жить в этом мире, видели бы, каким образом талант одаренного человека может опровергать эти слова, обращая их в прах. Таким же образом, обстоятельства [его жизни] и его слова доказывают справедливость сказанного.

Хотя в Дели при дворе Шаха Алама, как и на званных вечерах богатой публики, его величество Уважение всегда освобождало для Мира лучшие места по причине его непревзойденного таланта, и каждый почитал поэта за его высокое искусство и за достойные манеры и высказывания, однако «пустым» почитанием не прокормишь семью, да и казна государства тоже была пуста. Поэтому в 1190 г. хиджры (1776–1777) он вынужден был покинуть Дели.

Когда [Мир-сахиб] отправился в Лакхнау, у него не хватило денег на оплату повозки, пришлось искать попутчика. Найдя такового, Мир-сахиб попрощался с Дели. Проехав некоторое расстояние, попутчик ему что-то сказал, но тот, отвернувшись, промолчал. Через некоторое время этот человек снова обратился к нему. Мир-сахиб нахмурился и проговорил: «Уважаемый, вы внесли часть оплаты за поездку и по праву заняли место в повозке. Но какое это имеет отношение к разговору?». Тот удивился: «Да что же плохого, если мы скоротаем время в разговорах? Хоть какое-то развлечение в дороге!» Мир сахиб вспыхнул: «Для вас – развлечение, а для меня – урон моему [родному] языку!»⁷.

Прибыв в Лакхнау, [Мир-сахиб], как полагается путешественникам, остановился в караван-сараяе. От кого-то услышал, что в этот день в городе состоится *мушаура*⁸. Он не выдержал, здесь же написал газель и отправился на *мушауру*, чтобы принять в ней участие.

Одет он был по старой моде: на голове – *кхиркидар*-тюбан⁹, широченная верхняя роба из простой материи, на которую пошло, наверное, *газов*¹⁰ пятьдесят, и целое полотнище ткани, намотанное в качестве пояса, а к нему прикреплен аккуратно сложенный в несколько раз носовой платок, штанины шаровар из *машру*¹¹ шириной во все полотнище ткани, а туфли с загнутыми носками высотой в *балишт*¹². На поясе с одной стороны был подвешен прямой меч *сейф*, с другой – короткий кинжал. В руке он держал трость. Короче, когда он появился в собрании, а ведь это был Лакхнау – фатоватый законодатель новой моды, нового стиля, полный молодых повес, толпящихся повсюду, – вид его вызвал бурю смеха. Бедный Мир-сахиб, чужеземец, уже испытывавший недуги возраста, с сердцем, разбитым прощанием с родиной, был совершенно подавлен. Он молча сел в дальний угол. Когда черед свечи дошел до Мира-сахиба¹³, взоры всех присутствующих вновь обратились к нему и отовсюду послышалось: «И откуда же господин изволил к нам пожаловать?» Тогда Мир-сахиб прочел строки – это была импровизация, – соответствовавшие заданному размеру¹⁴:

О, восточные жители¹⁵, зачем спрашиваете, кто я родом и откуда,
Называя меня чужаком и насмехаясь надо мной?

Дели, который был избранным городом мира
И который останется избранником во веки веков,

Который небеса разорили и превратили в пустошь, –
Моя родина, я – житель этого разоренного края.

Все сразу все поняли. Бросились просить у Мира-сахиба прощение, стали выказывать ему высочайшее уважение. Под утро уже весь город узнал о его прибытии. Когда, наконец, новость дошла и до ныне покойного наваба Асафа уд-Доулы, он назначил [поэту] месячное жалованье в двести рупий.

Уважение и почет всегда в услужении у таланта. Во всяком случае, и в Лакхнау они не оставили Мира-сахиба, подобно тому, как врожденные высокомерие и вспыльчивость не покидали его с юных лет. Поэтому он крайне редко появлялся во дворце ныне покойного наваба.

Однажды наваб заказал газель. Когда дня через два-три [поэт] явился по зову ко двору, наваб спросил: «Мир-сахиб, Вы написали мне газель?», на что тот, нахмурившись, ответил: «Досточтимый господин! Карманы вашего покорного слуги не набиты поэтическими темами, чтобы газель, заказанную вчера, я смог бы принести сегодня». Обладая ангельским характером, наваб лишь сказал: «Хорошо, хорошо, Мир-сахиб! Когда вам захочется, тогда и напишете».

В один прекрасный день наваб послал за ним, а когда он явился, то увидел, что наваб с тростью в руке стоит у бассейна и любуется игрой плавающих в нем разноцветных рыбок. Увидев Мира-сахиба, наваб очень

обрадовался: «Мир-сахиб! Хочу вас послушать!». Мир-сахиб начал читать газель, а наваб, слушая, продолжал играть с рыбками, пошевеливая воду концом трости. Мир-сахиб, сдвинув брови, стал останавливаться после чтения каждого *ше'ра*¹⁶. Наваб, слушая, приговаривал: «Так-так, продолжайте, пожалуйста!». Прочитав еще несколько *ше'ров*, Мир-сахиб остановился: «Зачем мне читать, если вы заняты рыбками? Когда удосужитесь уделить внимание моим стихам, я смогу продолжить». «Стоящий стих сам привлечет мое внимание», – парировал наваб. Эти слова окончательно вывели Мира-сахиба из себя. Скомкав листок с газелью, он сунул его в карман и, повернувшись, вышел. После этого вовсе перестал появляться при дворе. Через какое-то время после этого случая он проходил через базар. В это время там же появилась процессия наваба. Заметив Мира-сахиба, наваб с чрезвычайной приветливостью обратился к нему: «Мир-сахиб, вы меня совсем покинули, при дворе совсем не появляетесь!». Мир-сахиб ответил: «Разговоры посреди базара не делают чести благородным людям! Что за повод для каких-либо обсуждений на улице?» В результате он оставался сидеть дома взаперти, согласно своей привычке, прозябал в бедности, а иногда даже голодал. В конце концов, в 1225 г. х. (1810) он скончался, прожив сто лет¹⁷. Насих¹⁸ написал хронограмму¹⁹ [на персидском языке]:

Увы и ах! Умер король поэтов!

* * *

Наследие Мира-сахиба составляют шесть диванов газелей на урду и около шести страниц с его превосходными отдельными *ше'рами* на персидском языке, к которым добавлены строки на урду. Именно таким образом составлены *мусаллас* и *мурабба*²⁰ – авторские новшества Мира-сахиба в поэзии урду. Кроме этого, еще *рубайи*, четыре *касыды* во славу семьи Пророка и *касыда* в честь наваба Асафа уд-Доулы, несколько *мухаммасов* и *тарджибандов*²¹ на моральные темы, в их числе осуждение недостатков, характерных для его эпохи, и сатирические строки в адрес определенных личностей, две поэмы *васохт*²², семистрофная поэма, прославляющая пророка Али, большое число поэм-*маснави*, антология поэтов урду (*Никат аш-шуара*) с подробностями об их жизни и творчестве, ставшая ныне библиографической редкостью. В своей антологии на персидском языке, в главе под названием «Щедрость Мира», Мухафи²³ писал: «Он никогда не называл себя персоязычным поэтом, но его персидский был не хуже, чем его *рехта*²⁴. Он не раз говорил: "Однажды я не писал на *рехта* около года, и за это время сочинил две тысячи стихов на персидском и собрал их в едином томе"».

По всей видимости, Мир-сахиб не интересовался написанием хронограмм. Элегию – *марсия* также не встретить в его *диванах*. Хотя во всех

его *диванах* множество как хороших («высоких»), так и плохих («низких») газельных строк, но зато хорошие избранные строки – это непревзойденные шедевры поэзии.

В своих стихах, чем больше он стремился к максимальной простоте, выразительности языка и ясности мысли, тем в меньшей степени он прибегал к витиеватости слога и риторике. Поэтому его газель с точки зрения законов жанра выигрывает по сравнению с газелью Сауды. Его поэзия уникальна по своей простоте и силе воздействия; вместо того, чтобы подвергать читателя умственному напряжению, она доставляет ему огромное удовольствие. Поэтому-то его поэзия почитаема образованной публикой и любима простыми людьми. В действительности, он позаимствовал этот стиль у Мира Соза²⁵. Но у того стихи поверхностные, в них нет ничего, кроме слов. А Мир-сахиб обогатил каждую строку поэтической темой. Кроме того, он облагородил бытовой язык и, придав ему красоту и силу, ввел его в поэтические салоны²⁶.

Язык Мира-сахиба ясный и простой, поэзия его настолько понятна, что кажется, будто он ведет разговор. Он затрагивает мысли, волнующие сердце каждого человека, облекает их в незамысловатую форму, но при этом украшает идиомами и меткими выражениями. Всевышний одарил его язык такой удивительной силой, которая превращает обычные слова в поэтические темы. По сравнению с нашими другими поэтами, его стихи намного естественнее и ближе к реальности. Некоторые его строки даже кажутся натурными зарисовками и поэтому оказывают большое влияние на сердца людей. Его можно назвать «Саади²⁷ урду».

Всем известны поэтические красоты газелей наших любвеобильных поэтов, высота полета их вымыслов, беспредельность их гипербола. Но, видно, по воле рока, среди них всех именно Миру-сахибу не довелось любоваться цветением весен любви, испытать счастье встречи с ответной любовью. Голоса печалей и бед, с которыми он пришел [в этот мир], звучат в его стихах и сегодня с той же силой, [как и прежде]. Они тревожат сердце и волнуют душу, потому что для других поэтов подобные темы были выдуманными, а для него – выстраданными. Даже романтические мысли он облакал в одеяния неудач и несбывшихся надежд, отчаяния и боли разлуки. Его поэзия открыто говорит: «Я вышла из сердца, которое было отнюдь не вместилищем горя и боли, а погребальными носилками, на которых покоились обманутые грезы и печали». Сердце Мира-сахиба всегда переполняло подобные мысли, а все, что было у него на сердце, оказывалось на его губах и сразу скальпелем проникало в сердца слушателей.

Из множества газелей с самыми разными размерами одни – словно *шарбат*²⁸, другие – как *шир-о-шаккар*²⁹. Но газели, написанные самыми короткими размерами, поистине источают чистейшую воду жизни. Каждое произнесенное слово в них пропитано силой эмоционального воздействия. Правда, от старых людей мне довелось слышать, что газели,

созданные для *мушаир* или на заказ, далеки от совершенства тех, что написаны по вдохновению и в размерах, соответствующих собственному выбору.

Мир-сахиб часто использовал персидские лексические конструкции, полностью или частично переводя их и встраивая в свои строки на урду, создавая, таким образом, новый стиль *рехта*. Эти лексические новшества выносились на общий суд. Те немногие, которые не принимались обществом, иногда использовали некоторые из его современников, но такое случалось очень редко³⁰.

Мир-сахиб был смуглым, худощавого сложения, среднего роста человеком. Все движения его были уверенными и неторопливыми. Говорил он очень мало и всегда довольно медленно, в его негромком голосе звучала мягкость. Возраст обострил все его качества – ведь прожитые им сто лет не могли не сказаться на нем. Мирза Катил³¹, вернувшись однажды с *мушаиры*, сел писать письмо другу. Описывая *мушаиру*, он, в частности, так отозвался о Мире-сахибе: «Он постоянно выступал на протяжении долгих лет, но, несмотря на это, голос его остался прежним. Правда, его благословенное тело стало совсем немощным, и голоса его почти не было слышно, но – клянусь Богом! – его газель была превосходной!»

Его привычки и манеры были отмечены серьезностью и степенностью, его выдающийся талант и умеренность [в потребностях] снискали ему всемерное уважение. Но вместе с тем его уникальная способность довольствоваться самым малым и непомерное самомнение переходили все границы. В результате этого – о каком-либо подчинении и говорить нечего – он даже не мог слышать о службе где-либо. Но мир, против власти которого никто не поднимет головы, живет по иному закону. Результат известен: гордецу приходится голодать и испытывать страдания. Укрывшись в тени своего высокомерия, Мир-сахиб рассердился на весь мир и его обитателей и заперся в четырех стенах своего дома. Ему было известно, что в городе о нем судачат. Во всяком случае, об этом он сам говорит в заключительных строках одного из своих *шахрашобов* в форме *мухаммаса*³²:

Положение мое таково, что не освободиться мне от горестей.

В сердце моем полыхает огонь, словно в светильнике.

Грудь моя разверзлась, вместо сердца – сплошная рана.

В собраниях меня называют «высокомерным Миром»,

Да уж, настоящую известность завоевала моя гордость!

Но при этом сокровищницу своего красноречия он считал нетленным богатством и не обращал внимания [на мнение] ни бедных, ни богатых. Бедность он вообще считал благом, ниспосланным святой религией. В этом убеждении он обращал свое сердце в сторону мистического познания Бога. Такое достоинство, как непреклонность характера, несомненно, выше всяких похвал, и его невозможно описать ни на одном языке. Он

стойко сносил все лишения и беды брэнного мира с удивительным безразличием и беспечностью. Покидая этот мир, он не расстался со своим высокомерием и надменностью. Бог дал ему высоко поднятую голову, и, так же высоко неся ее, он отправился к Богу. Ни ради мимолетного наслаждения, ни из-за боязни нищеты с ее лишениями он не склонялся перед недостойными людьми. Его поэзия свидетельствует о том, что бутон его сердца никогда не раскрывался, и складка между нахмуренными бровями не разглаживалась. Но при этом он оставался величавым правителем своей необъятной вселенной поэтических мыслей, и чем более грубым и жестким предстал пред ним мир – тем больше обострялось его чувство собственного достоинства, тем выше становилась его самооценка.

Все известные *тазкире* исполнены сетованиями на то, что если бы его высокомерие и заносчивость проявлялись по отношению лишь к сильным мира сего, то это не выглядело бы столь предосудительным. И еще досадно, что он совсем не замечал мастерства других. Эти его качества выделялись неприглядными пятнами на поле одеяния таланта, достоинств и добродетелей, которыми одарил его Господь. Письменные свидетельства и устные воспоминания почтенных [людей] свидетельствуют, что если даже прочли бы свою газель Ходжа Хафиз Ширази³³ или Шейх Саади – о ком-то другом и говорить нечего! – то и тогда он счел бы для себя грехом кивнуть головой в знак одобрения. Личности, от которых в те времена во многом зависели общественное признание и репутация [поэтов], отличались высокими помыслами и страстной увлеченностью [поэзией]. Поэтому его высокомерие считали своеобразной «изюминкой» в характере гения. Как же Миру-сахибу повезло, что ему не довелось жить в наши дни!

В Дели пользовался известностью поэт Мир Камаруддин Миннат³⁴. Благодаря своим знаниям традиционных наук³⁵, он был допущен к могольскому двору и вращался в кругу дворцовой знати. Во времена Мир-сахиба он был начинающим поэтом, страстно увлеченным стихотворчеством, писал, в основном, на фарси. Однажды он принес Миру-сахибу свою газель на урду и попросил исправить в ней ошибки. Мир-сахиб спросил, откуда он родом. Тот ответил, что он из-под Панипата, а точнее – из Сонипата³⁶. На это [Мир-сахиб] сказал: «Досточтимый! Урду – язык Дели, не утруждайте себя попытками писать на нем. Лучше продолжайте пользоваться всякими своими фарси».

Саадат Яр-хан Рангин был сыном наваба Тахмаспа Бег-хана, начальника дворцовой охраны, и было ему тогда лет четырнадцать-пятнадцать. Он явился с большой помпой к Миру-сахибу и подал ему газель для правки. Выслушав, Мир-сахиб строго проговорил: «Молодой господин! Вы – аристократ, и родители ваши голубых кровей, так тренируйтесь в стрельбе, в метании копья, в верховой езде. А поэзия – это нелегкое занятие, разрывающее душу, сжигающее сердце, и вам лучше сторониться

его». Когда же тот начал настаивать на своем, Мир-сахиб сказал: «Ваш характер не соответствует этому искусству, и вы не сможете овладеть им. Зачем же напрасно тратить ваше и мое время?»

Примерно то же самое произошло и с Шейхом Насихом³⁷.

Однажды в Лакхнау я повстречал сына Мира-сахиба. С отцом ему было не сравниться, хотя, если иметь в виду злосчастность его судьбы, то его можно назвать истинным наследником своего отца. Он был пожилым человеком, нелюдимым и весьма беззаботным по натуре. Имя его было Мир Аскари, но знали его все, как Мир Каллу, а *тахаллус* носил «Арш». Он слагал стихи, имел даже *диван* газелей, и у него было несколько учеников. Один *ше'р* из газели, написанной им для *мушаиры*, одно время в Лакхнау оставался у всех на устах:

По утрам раздается громкий голос жерновов мельницы:
«[Бог]-кормилец наполняет пищей рот камня!»³⁸

Комментарии

¹ *Тахаллус* – поэтический псевдоним. Как в данном случае, он может совпадать с собственным именем поэта.

² *Сахиб* – досл. «господин; хозяин; друг, товарищ», прибавляется к имени, чтобы подчеркнуть уважение к личности, о которой идет речь.

³ Слово *мир* означает «вождь, руководитель; глава». «Мир» также титул *сейидов*, потомков пророка Мухаммада, которые составляли обособленную, привилегированную группу в социальной иерархии мусульманского общества. Кроме того, *мир* – сокращенная форма от слова *амир* («богатый; богач»). Семья Мира Таки принадлежала к сословию шейхов, ведущих свою родословную от известных духовных наставников, чем очень гордилась семья Мира Абдуллы. Шейхи считали себя ничуть не ниже *сейидов*, как правило, весьма зажиточных. Бедность, присущая шейхам, была предметом их особой сословной гордости. Поэтому *тахаллус* «Мир», в котором содержался намек и на богатство, и на «сейидство», не понравился отцу Мира Таки.

⁴ Сауда, Мирза Мухаммад Рафи (1706–1781) – современник Мира Таки Мира и его поэтический соперник, один из «столпов» классической поэзии урду, крупнейший поэт-сатирик своего времени.

⁵ *Куллият* – полное собрание поэтических произведений одного автора.

⁶ *Мири* (однокоренное с *мир*) – «победитель» (в игре, в деловой конкуренции и т. д.). В этих сатирических строках Сауда намекает на то, что Мир («вождь, предводитель»), отрезав от «шеихства», поддался соблазну привилегий, которыми пользовались в мусульманском обществе *сейиды*, и себя и сына «принес в жертву», чтобы его приняли «за своего» (т. е. стал «приправой» к пище зажиточных людей, которых Сауда называет *мири*, обыгрывая *тахаллус* Мира). Иными словами, согласно строкам Сауды, Мир Таки сломил свою гордость бедняка и стал выдавать себя за сейида. В подтексте этих строк содержится намек на постоянную нужду Мира, для которого вкусная еда – плод его поэтического воображения – якобы становится непреодолимым соблазном.

⁷ Мир был известен ревностным отношением к родному языку, эталоном которого считал делийский урду. Этот известный исторический анекдот имеет разные версии, но суть их всех одна: отказавшись говорить с попутчиком, чтобы, слыша его выговор, «не испортить язык», Мир захотел подчеркнуть превосходство столичного урду и выразить свое пренебрежение к произношению провинциальных жителей, одним из которых, по всей видимости, оказался его попутчик.

⁸ *Мушаира* – поэтический вечер, который, как правило, выливался в своеобразное состязание поэтов. Роль «жюри» исполняла приглашенная взыскательная публика, большинство из которой было не только любителями, но и знатоками и ценителями поэзии.

⁹ *Кхиркидар* («оконцеобразный»), или «марварский», тюрбан повязывался таким образом, что в его передней части оставалось углубление – «оконце». Мода на такой фасон тюрбана пришла в Дели из раджпутского княжества Марвар.

¹⁰ *Газ* – мера длина, около 91 см.

¹¹ *Маиру* – шелковая ткань, из которой обычно шились женские шаровары.

¹² *Балишт* – мера, равная расстоянию между раздвинутыми пальцами – большим и мизинцем.

¹³ Согласно узаконенному этикету *мушаиры*, очередь читать стихи наступала для поэта, перед которым ведущий ставил ритуальную свечу *шамат*.

¹⁴ Перед началом *мушаиры* участникам сообщался размер и рифма, которым они должны следовать, создавая газель для данной *мушаиры*.

¹⁵ Имелось в виду географическое расположение Лакхнау к востоку от Дели.

¹⁶ *Ше'р* – две строки газели, ее основная структурная единица.

¹⁷ Автор исходит из мусульманского лунного календаря, год которого короче европейского календарного года.

¹⁸ Насих, Шейх Имам Бахш (1776–1838) – один из известнейших поэтов Лакхнау.

¹⁹ В арабском алфавите *абджад* каждая буква имеет численное значение. Общая сумма численных значений букв, входящих в текст хронограммы, составляет соответствующую дату (рождения, смерти, знаменательного события и т. д.). При сложении сумма чисел, закрепленных за буквами, из которых состоит строка Насиха, равна числу 1225.

²⁰ *Мусаллас* («треугольник», «трехстишие»), *мурабба* («квадрат», «четырёхстишие») – стихотворные строфы, состоящие соответственно из трех и четырех строк.

²¹ *Мухаммас, тарджибанд* – виды строфических форм в поэзии урду.

²² *Васохт* – лирическое стихотворение, в котором влюбленный жалуется на жестокость своей возлюбленной.

²³ Мусхафи, Шейх Гулам Хамдани (1750(?)–1824) – крупный поэт, автор многих антологий-*тазкире*.

²⁴ *Рехта* – одно из старых названий поэтического языка урду.

²⁵ Соз Мухаммад Мир – известный делийский поэт, современник Мира Таки Мира (1720/1–1798/1799).

²⁶ Далее следует описание произведений Мира Таки Мира различных жанров и изложение содержания некоторых, наиболее известных из них.

²⁷ Саади – Шейх Саади Ширази (ок. 1213–1293) – персидский поэт и мыслитель, одна из крупнейших фигур классической персидской литературы.

²⁸ *Шарбат* – популярный на мусульманском Востоке прохладительный напиток из сока различных фруктов.

²⁹ *Шир-о-шаккар* («молоко с сахаром») – сладкий молочный напиток, который подается в Индии на десерт по особым случаям.

³⁰ Далее приводятся многочисленные примеры употребления Миром Таки Миром персидских заимствований, обсуждаются случаи употребления в урду того или иного грамматического рода заимствованных существительных (в грамматике персидского языка категория рода отсутствует), а также другие лексико-грамматические тонкости, касающиеся персидских заимствований в языке урду.

³¹ Катил Мирза Мухаммад Хасан (1757/58–1818) – известный поэт, писавший на персидском языке, теоретик персидского стихосложения, один из интеллектуалов Лакхнау.

³² *Шахрашоб* – широко распространенный в поэзии урду жанр, представляющий собой поэму о бедствиях города, страны или отдельной личности. *Мухаммас* – строфическая форма в поэзии многих стран Востока, пятистишие: каждая строфа состоит из пяти строк.

LITERATURE OF THE EAST

Vasilyeva L. A. "Mir Taqi Mir". A fragment from the History of Urdu Poetry...
Orientalistica. 2020;3(5):1437–1449

³³ Ходжа Хафиз Ширази – Шамсуддин Мухаммад Хафиз Ширази (ок. 1321–1389/1390), персидский поэт и суфийский шейх; его стихи считаются вершиной персидской газельной лирики.

³⁴ Миннат, Камаруддин (1743/4–1792/93) – делийский поэт среднего уровня, младший современник Мира Таки Мира.

³⁵ Имеются в виду науки, которые входили в комплекс обязательных для индийских мусульман образовательных дисциплин (арабский и персидский языки, философия, история, арабская филология, персидская поэтика и др.).

³⁶ Панипат – окружной центр, расположенный в 90 км к северу от Дели. Сонипат – один из городов этого округа, издавна известный большим числом грамотного населения.

³⁷ Далее следуют различные примеры из жизни поэта и исторические анекдоты, которые в основном повествуют о проявлении строптивного характера Мира Таки Мира в общении со своими современниками.

Затем автор переходит к многочисленным сопоставлениям поэтических примеров из газелей самого Мира Таки и его предшественников и современников, наглядно показывая неразрывную связь тем и художественных приемов в газельном творчестве различных поэтов. При этом Азад старается подчеркнуть те особенности строк Мира, которые свидетельствуют о новаторстве поэта, особенно в области поэтического языка.

³⁸ В завершение раздела о Мире Таки Мире автор приводит его четырнадцать газелей, в сносках к отдельным *ше'рам* указывая на аналогичные поэтические темы у других авторов.

Литература

1. Азад Мухаммад Хусейн. *Аб-е хайат (Живая вода)*. Лакхнау: Эхсан бук депо; б/г. 686 с. (На урду)

Reference

1. Azad Muhammad Husain. *Ab-e Hayat (Water of Life)*, Lucknow: Ehsan Book Depo. S/a. 686 p. (In Urdu)

Информация об авторе

Васильева Людмила Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов Азии, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия.

Information about the author

Ludmila A. Vasilyeva – Ph. D. (Philol.), Leading research Fellow at the Department of the Literatures of Asia peoples, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 11 сентября 2020 г.
Одобрена рецензентами: 19 ноября 2020 г.
Принята к публикации: 27 ноября 2020 г.

Article info

Received: September 11, 2020
Reviewed: November 19, 2020
Accepted: November 27, 2020